

определению социального явления как уровня социального фрагмента. Подобные соответствия вполне укладываются так же и в возможности социологического исследования религии.

Таким образом, при взаимодействии религиоведческой традиции с социологической теорией «социальных фрагментов» уточнению подвергаются оба компонента. С одной стороны, происходит иерархизация элементов религии и выявление более тесной связи религиозных отношений и религиозной деятельности за счет их нахождения на одном уровне законов. С другой стороны, меняется содержательное наполнение религиозного «социального фрагмента».

Примечания

1. *Давыдов А. А.* Теория «социальных фрагментов» – общая социологическая теория // СоцИс. 2004. №8.
2. *Лункин Р. Л., Филатов С. Б.* Статистика российской религиозности: магия цифр и неоднозначная реальность // СоцИс. 2005. №6.
3. Основы религиоведения. Учебник /под ред. И.Н. Яблокова. М.: Высшая школа. 1994.
4. *Пивоваров Д. В.* Философия религии: учеб.пос. М.: Академический проект. 2006.
5. Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях» от 26.09.1997 г. №125-ФЗ // Справочная правовая система «Консультант Плюс»

А. А. Сысолятин
УрГУ им. А. М. Горького

ФИЛОСОФИЯ КАК ОТКРЫТАЯ ПОЛЕМИКА, ИЛИ ПОЧЕМУ ФИЛОСОФИЯ ИМЕЕТ ДЕЛО СО СТРАХОМ?

Размышляя над книгами, посвященными жизни и работам С. Кьеркегора, зачастую очень резкими к объекту своего исследования, приходилось не раз задавать себе один и тот же навязчивый вопрос, поддаваясь провокациям их авторов: чем философия отличается от возможности поплакаться в жилетку? [3. С. 18-22] И, как мне кажется, Ирвин Ялом своей книгой «Когда Ницше плакал», не только задает этот вопрос, но и утверждает, что

такого отличия нет и не было никогда [7. С. 411-415]. Да, всегда были снобы от философии, которые с высоты своего циничного слова не опускались до выражения собственных бед на бумаге, но кто знает, что творилось в их сердцах и умах за пределами печатного листа.

Кажется, что философия зря отпустила от себя психологию, потому что лишилась сестры, способной разделить несчастье и утешить. Психология в угоду нынешнему «времени софистов», элитных тренеров продаж и личностного роста, давно учит о «добродетели» и ее достижении в угоду экономическому успеху предприятия, не гнушаясь просить оплату соразмерно самой возможности жизненного успеха, а она, как известно, прямо пропорциональна широте глаз при виде хорошего куша или вожделенной плоти. И именно там, в кругу «мудрецов» от психологии, несчастное человеческое существо оплакивает свои утраты и ставит себе новые рубежи. И. Ялом очень точно отметил взаимную ответственность глубокого доверия, хотя, пожалуй, А. де Сент-Экзюпери в своем замечании был куда тоньше [4. С. 70-71], – нужно не только уметь пустить, но иметь смелость ответить и отстоять своего собеседника. Мне кажется, что именно этой смелостью и отличается философия, и отличалась тогда, когда смелость еще была «золотой серединой» между трусостью и безрассудством.

Именно о рождении этой смелости и рождении философии вместе с ней мне и хотелось сделать замечание. Определение философии можно дать, исходя из ее истоков или ее теперешней цели, но существует другое желание – определить философию, исходя из того, на что она дает возможность притязать, на что она дает смелость и чему препятствует при должном усердии и верности делу. Греки как никто, насколько мы их знаем, умели быть верными своим идеалам. И подтверждение этому не только счастливая смерть несчастного Сократа, но и один очень точный диалог между Диогеном Синопским и Аристиппом из Кирены, который приводит в своей книге Диоген Лаэртский [1. С. 81]. Диоген упрекнул Аристиппа за то, что тот проводит дни в распутстве, не гнушаясь жить на средства тирана. Умей Аристипп довольствоваться малым, ему не пришлось бы общаться со столь дурными людьми, – замечает Диоген. На что получает очень остроумный и колкий ответ: умей Диоген общаться с людьми, ему не пришлось бы довольствоваться столь малым (намекая на овощи, которые Диоген чистил в это время). И это

выражение верности двум совершенно противоположным позициям, говорит только о том, что оба мудреца не притязали исправить нравы другого, но оба были расположены общаться друг с другом, иметь и высказать мнение против мнения собеседника.

Интересно, что так называемый антропологический поворот, оформивший начало классической древнегреческой философии, связывают со становлением особенного уклада политической жизни Афин [2. С. 121-122]. Афинская демократия действительно сыграла свою роль в формировании мышления человека, обладающего не только правом, но и смелостью иметь мнение и открыто выражать его, даже если за это мнение следовала немедленная расплата, как было со знаменитым софистом Протагором или поэтом-атеистом Диагором Мелосским, открыто отвергшим существование богов. Но речь даже не об общественном порицании или одобрении, а речь о том, что после периода натурфилософских исканий ионийцев и метафизических поисков элеатов, для которых равно имела места идея Необходимости и Всеобщности как разумного принципа мира, венчающая все человеческое существование, – впервые человек находит для себя пространство проявления созидательной активности. Человек освобождается от ярма падшего существа, рожденного из плоти титанов, растерзавших Диониса, как это было у орфиков, он освобождается от скованности страшными силами Мойры и Керы, он освобождается от чар хтонических чудовищ и олимпийской мощи, но – для чего он стал свободен?!

Если отступает не только мифологический олимпийской Космос и религиозный мир Элевсинских мистерий, но и натурфилософский детерминизм естественного природного начала, довлеющего над человеческой жизнью, то человек остается предоставлен своим сомнениям, наряду с другими, для которых природа сомнения становится равной природе слова. Ведь «повивальное искусство» Сократа не направлено на то, чтобы убедить человека избрать благо, потому что оно есть, а избрать его, потому что оно благо, и потому что он узнал об этом, начав сомневаться в самом себе. Сократ вынимал землю из-под ног говорящего с ним, в то время как ненавистные ему софисты нагромождали своим очередным ученикам пьедесталы, которые те завоюют своим искусством речи и знанием «общих мест». Была одна существенная разница, – человек, пришедший к Сократу, имел возможность к совершенствованию своей души. Путем сомнения среди «общих мест», по мнению

Сократа, мог вести только учитель, который «знал, что ничего не знает», несмотря на Дельфы и упрямый голос, звучащий в его голове.

Но, равно как и Сократ, софисты и материалисты, такие как Левкипп и Демокрит, и знаменитый Эпикур, дали жизнь индивиду, как существу, участвующему в творении и созидании, вырвав его из круга Необходимости, и подарив ему Случай, который был только на руку совершенной душе в ее непрестанных упражнениях в совершенстве. Идея атома как реализация антропологического принципа в онтологии связала эмпирический мир с глубокой метафизикой элеатов, – категория Пустоты осуществила «математически» мир в его множественности и движении, наперекор Зенону Элейскому. Мир ожил за счет Пустоты, а с ним ожил человек, который в пустоте, бесконечной и беспристрастной, в отличие от своенравных богов, смог, наконец, ощутить в себе силы и жажду к созиданию; он был один, но был готов действовать.

Именно так, с этого момента, появляется философия такой, какой мы ее хотим видеть, когда говорим о практической философии, когда решаем, что собираться и обсуждать вопросы философии не бессмысленное занятие и не то, что понятно только собравшимся. К. Поппер, высоко оценивая достижение греческой философии, отмечал, что именно критическая дискуссия, родившаяся в натурфилософской полемике ионийцев, создает настоящую философскую традицию [2. С. 74]. Все дело в том, что ни мифологическое сознание, ни религиозный культ, позволявшие притязать на истину, никогда не давали притязать на одиночество и сомнение, и пусть это всегда сложный путь, но это достижение, которое согласно Диогену Лаэртскому, и делает философию философией, и убеждает в том, что именно Греция – это ее родина [1. С. 14-17]. А достижение это – свободная полемика, сосуществование школ и направлений (но это наша иерархия!), а тогда – совершенно разных людей, которые могли иметь и высказывать друг другу свои убеждения и делиться сомнениями не так, как делятся убеждениями верующие, непрестанно повторяя друг другу одну и ту же вышколенную истину, или как делят единое тело люди одной общины, вечно продолжая неизменный цикл перемен.

Философия может помочь говорить с умершим без ритуала и жертвоприношения, только одним своим сомнением и одиночеством индивида; философия дала новый мир, открыв атом и страх, как язык, на котором этот мир говорит. Это ее достижение, ее определение, и ее

практический смысл: прожить в мире, с которым ты говоришь на разных языках также немислимо, как прожить молча. Поэтому философия – это вечно открытая полемика, практическая сторона которой завершается последним бесстрашно произнесенным словом в ее копилку перед отходом души от тела.

Примечания

1. *Диоген Лаэртский* О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / пер. с древнегреч. М. Гаспарова. – М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 2009. – (Канон философии)
2. *Звиревич В. Т.* Философия Древнего мира и средних веков: Учебное пособие для высшей школы. – М.: Академический проект, 2004.
3. *Коли О.* Кьеркегор / Оливье Коли: пер. с фр. Е. Калантаровой. – М.: Астрель: АСТ, 2009. – («Университетская библиотека»)
4. *Сент-Экзюпери А. де* Маленький принц / Пер. с фр. Норы Галь. – СПб.: Азбука-классика, 2004.
5. *Тейлор К.* Сократ / К. Тейлор; пер. с англ. – М.: Астрель, 2010. – («Оксфорд»)
6. *Эннес Дж.* Античная философия: очень краткое введение / Дж. Эннес; пер. с англ. А. Н. Ганор – М.: Астрель: АСТ, 2009.
7. *Ялом И.* Когда Ницше плакал / Пер. с англ. М. Будыниной. – М.: «Издательство Эксмо-пресс», 2002.

И. П. Тарасов

к. ф. н.

г. Саратов, Саратовский университет

РАЗУМ И СВОБОДА

Классической проблемой для создания искусственного интеллекта является проблема критерия разумности (интеллектуальности). Т.к. разум подлежит искусственному моделированию, то возникает вопрос «что позволяет нам говорить о разумности того или иного поступка человека или разумности человеческого поведения вообще?». Если выразить эту проблему на классическом метафизическом жаргоне, то проблема касается выяснения «сущности» разума.

В одном из докладов, сделанных несколько лет назад, мною было выделено четыре таких признака:

Способность к познанию (в более узком смысле, это научное познание)